

В. С. Степин¹

СТРАТЕГИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Оценивая современные процессы глобализации, мы говорим о диалоге культур. Он рассматривается как условие наиболее благоприятного и бесконфликтного развертывания глобализации. Диалог культур понимается как взаимное уважение и взаимовлияние различных культурных традиций. Он противопоставляется одностороннему воздействию доминирующей в процессе глобализации западной традиции.

Такое доминирование имеет свои исторические предпосылки. Современная глобализация выросла из модернизационных процессов XIX — второй половины XX века. В свою очередь, эти процессы были результатом воздействия западной цивилизации эпохи «проекта Модерн» на традиционалистские общества. Я называю эту цивилизацию техногенной, учитывая, что в ее развитии решающую роль играют научно-технологические инновации. Их внедрение в различные сферы деятельности радикально меняет предметную среду человеческой жизни (вторую природу), социальные связи и институты, типы человеческих коммуникаций.

Под давлением техногенных обществ традиционалистские цивилизации переходили на путь техногенного развития. Основой этого перехода было заимствование технико-технологических иннова-

ций, которые, в свою очередь, требовали подготовки специалистов, модернизации системы образования, а вместе с тем, переноса на традиционалистскую почву ряда фрагментов и ценностей техногенной культуры.

Взаимодействие различных типов культур, основанных на различных и часто альтернативных ценностях, требовало времени на их взаимную адаптацию. Под влиянием новых культурных трансплантаций традиция переосмысливалась. В нее включались новые жизненные смыслы и ценностные ориентиры, регулирующие новые виды деятельности.

Таков был опыт великих российских модернизаций (реформ Петра I, Александра II и большевистской модернизации, превратившей страну в великую индустриальную державу). Таков был и путь Японии начиная с последней трети XIX столетия. Аналогично развертывались процессы модернизации в Южной Корее, Китае, Индии, странах Латинской Америки во второй половине XX века.

Ценности и достижения техногенной культуры выступали в процессах модернизации как условие прогресса и воспринимались как доминанта по отношению к традиционалистским ценностям.

Когда во второй половине XX века процессы модернизации приобрели системный характер и переросли в глобализацию, такого рода позиционирование своих ценностей со стороны Запада сохранилось. Более того, оно обрело новые измерения в связи с расширением спектра современных технологий. В их состав сегодня включены не только производственные, но и социально-гуманитарные технологии, в частности технологии организации рынка и технологии демократического управления, основанные на использовании современных средств массовой информации и различных способов психологического воздействия на сознание людей.

Вместе с тем возникает и критическое отношение к ценностям, определявшим успехи техногенного развития. Оно вызвано глобальными кризисами, порожденными этим развитием.

Современная глобализация развертывается на фоне этих кризисов. Кризисы приобрели планетар-

¹ Академик Российской академии наук, научный руководитель Института философии РАН, руководитель секции философии, социологии и права РАН Отделения общественных наук РАН, заведующий кафедрой философской антропологии и наук о человеке Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных работ, в т. ч. 21 монографии: «Философская антропология и философия науки», «Философия науки и техники», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание», «Философия и универсалии культуры», «Новая философская энциклопедия» (в 4 т.), «Философия науки: общие проблемы» и др. Президент Российского философского общества. Член Совета по анализу критических ситуаций и проектов правительственных решений при Правительстве Российской Федерации. Иностраный член Национальных академий наук Белоруссии, Украины, почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ), почетный профессор Академии общественных наук КНР (Пекин), действительный член Международного института (академии) философии (Париж, 2001). Лауреат государственной премии РФ в области науки и техники.

ный характер. Экологический кризис, антропологический кризис, все ускоряющиеся процессы отчуждения, изобретение новых и новых средств массового уничтожения, грозящих гибелью всему человечеству, — все это побочные продукты техногенного развития.

Об экологическом кризисе сказано уже немало. Происходит осознание того, что он будет только нарастать по мере стремления различных стран реализовать идеалы общества потребления.

Прогнозируемое увеличение населения Земли через 15–20 лет при тенденции к росту энергетического потребления во все большем числе стран планеты и экспоненциально растущем загрязнении среды неминуемо приведет к беспрецедентной экологической катастрофе.

Не менее опасные перспективы для человечества возникают в связи с антропологическим кризисом. Он имеет множество проявлений и тенденций. Одной из главных среди них выступает опасность изменения генофонда человечества. Возрастание мутагенных факторов вследствие прямого воздействия загрязненной среды (химические и радиоактивные воздействия), а также косвенного — через появление все новых видов болезнетворных микробов и вирусов, приводит к опасным изменениям генетической основы человека. Биологи пишут о растущих повреждениях генотипических структур, сформированных миллионами лет эволюции. Действие природных факторов сохранения генофонда (естественный отбор) в человеческом обществе резко ограничено, а социальные процессы, которые вроде бы можно интерпретировать как выполняющие функцию отбора, например войны, действуют в противоположном направлении. В войнах гибнет большое количество здоровых молодых людей, не оставляющих потомства. Более того, современные генетические исследования выявили факты неблагоприятного мутагенного воздействия некоторых ранений на генетические структуры человеческого организма.

Вторым значительным индикатором антропологического кризиса является возрастающее давление на человека стрессовых нагрузок. Современная жизнь с ее быстро меняющимися социальными ситуациями, нестабильностью, обостренной конкуренцией в любых областях деятельности погружает человека в чередование стрессовых состояний. Перенапряжения ведут к росту не только сердечно-сосудистых, онкологических, но и психических болезней. За последние годы такое тяжелое психическое заболевание, как депрессия выходит на одно из первых мест в мире среди наиболее распространенных болезней конца XIX — начала XX века. Чтобы избежать угнетенных состояний психики, люди все чаще прибегают к применению различных психотропных средств. Как отмечает Фукуяма в своей книге «Наше постчеловеческое будущее» (М., 2004), 10 % всего населения США принимают антидепрессант прозак или его аналоги (если же взять только взрослое, работоспособное население, то процент людей, принимающих этот антидепрессант, удваивается). Однако это фармакологическое средство, повышая самооценку, блокируя неконтролируемую агрессию,

имеет в качестве побочного действия ослабление и потерю памяти, сексуальные расстройства, повреждение мозга.

Третьей группой факторов, обостряющих антропологический кризис, выступают современные тенденции к переконструированию биологической основы человека. Они обозначились в русле достижений генетики и разработки новых биотехнологий. Расшифровка генома человека в принципе открывает возможности не только лечить наследственные заболевания, но и усилить те или иные его способности (умственные и физические). Уже сегодня ведутся исследования, ставящие целью добиться, например, повышения уровня гемоглобина в крови как наследуемого признака. То, что сейчас карается у спортсменов как кровяной допинг, может превратиться в генетически сконструированное свойство организма (изготовление будущих олимпийских чемпионов). Одновременно ведутся разработки по внедрению микрочипов, обеспечивающих лучшее функционирование нервной системы человека. Уже осуществляются операции по имплантации в мозг силиконовых чипов, обеспечивающих восстановление функций, утраченных в связи с болезнью Паркинсона.

Все эти начавшиеся эксперименты над биологической составляющей человека имеют далеко идущие последствия. Уже введено в обиход понятие «постчеловек», хотя и не всегда четко определяемое, но включающее в качестве составных смыслов идею изменения биологической основы человека. Техногенная цивилизация открывает новую зону риска. Системная целостность генетических факторов человеческого бытия вовсе не гарантирует, что при перестройке какого-то одного гена, программирующего определенные свойства будущего организма, не произойдет искажение других свойств. Но есть еще и социальная составляющая человеческой жизнедеятельности. Нельзя упускать из виду, что человеческая культура глубинно связана с человеческой телесностью и первичным эмоциональным строем, который ею продиктован. Предположим, что известному персонажу из антиутопии Оруэлла «1984» удалось бы реализовать мрачный план генетического изменения чувства половой любви. Для людей, у которых исчезла бы эта сфера эмоций, уже не имеют смысла ни Байрон, ни Шекспир, ни Пушкин, для них выпадут целые пласты человеческой культуры. Биологические предпосылки — это не просто нейтральный фон социального бытия, это почва, на которой вырастала человеческая культура и вне которой невозможны были бы состояния человеческой духовности.

Обострение глобальных кризисов, порожденных техногенной цивилизацией, ставит вопрос: можно ли выйти из этих кризисов, не меняя базисной системы ценностей техногенной культуры?

Я исхожу из того, что эту систему ценностей придется менять, что преодоление глобальных кризисов потребует изменения целей человеческой деятельности и ее ценностных регулятивов. А радикальное изменение ценностей означает переход от техногенной цивилизации к *новому типу цивилизационного развития, третьему, по отношению к традиционалистскому и техногенному.*

В таком подходе открываются новые аспекты диалога культур. В идее продолжения «проекта Модерн» диалог культур сводится к проблемам дальнейшей адаптации традиционалистских ценностей (в том числе сохранившихся в культурах тех обществ, которые уже стали на путь техногенного развития) к современным западным версиям ценностей техногенной культуры.

В идее перехода от «проекта Модерн» к новому типу цивилизационного развития намечается другой способ взаимодействия. Изменяющаяся система западных ценностей может открыть новые возможности их своеобразной переключки, с сохранившимися ранее и модифицированными ценностями традиционалистских культур. То, что в предыдущей истории, включая историю XX века, представляло как альтернативное и несовместимое, может обрести согласие.

В первой версии диалога культур анализ акцентирован на выявлении общего в культурных традициях и фиксации тех особенностей, которые выступают как несовместимые парадигмы. Эти особенности следует признать, уважительно к ним относиться, но вместе с тем видеть в них границу, которую не следует нарушать.

Во второй версии сама граница особенностей предстает как изменяющаяся, а традиции как переосмысливаемые. Анализ акцентирован на выявлении тенденций изменения традиций. И в связи с этим возникает вопрос о предпосылках формирования точек роста новых ценностей.

Два взаимосвязанных процесса являются ключевыми в современных изменениях глобализирующегося мира. Это научно-технологические инновации и экономика. Поэтому важно именно здесь выявить тенденции изменений, связанные с трансформацией базисных ценностей техногенной цивилизации.

Технологические инновации изменяют тип экономического уклада. В современную эпоху они определены состоянием развивающейся науки. Главные направления научно-технологических исследований очерчены разработкой пакета конвергентных технологий (нано-, био-, информационные и когнитивные технологии). И важно выяснить, как сегодня меняется тип научной рациональности при освоении новых типов объектов.

В развитых формах научного знания, сложившихся в новоевропейской культуре, можно с достаточной отчетливостью выявить специфические установки науки, отличающие ее от других форм познавательной деятельности (обыденного, художественного, философского познания и т. д.).

Первая из них состоит в ее нацеленности на исследование объектов, которые актуально либо потенциально могут стать предметами человеческой деятельности. Наука ищет закономерности, которым подчиняются эти объекты. Она как царь Мидас из древней легенды, который к чему бы ни прикоснулся, становилось золотом. К чему бы ни прикоснулась наука — все для нее объект. Она может сделать предметом изучения любые фрагменты, аспекты и феномены мира: природные, социальные, человека, его деятельность, культуру, состояния человеческого

сознания. Ко всему, что включено в сферу ее исследования, она относится как к объекту, подчиняющемуся определенным законам.

Конечно, такой подход не исчерпывает многообразие человеческого бытия. Поэтому при всей важности науки она не может заменить собой других форм человеческого познания и всего многообразия культуры.

Вторая характерная особенность науки — это ее способность изучать объекты, не ограничиваясь только теми, которые включены в наличные виды деятельности. Наука постоянно выходит за границы производства и обыденного опыта своей исторической эпохи и способна исследовать объекты, практическое освоение которых возможно лишь на будущих этапах развития цивилизации.

С этими двумя фундаментальными характеристиками научного познания органично связаны особенности ее средств, методов, производимых ею знаний как продукта научной деятельности, а также специфика внутреннего этоса науки.

В его основе лежат два главных регулятива: установка на поиск объективного истинного знания и установка на постоянное наращивание такого знания (ценность новизны). Отсюда и два основных этических запрета, образующих ядро научного этоса: запрет на умышленное искажение истины в угоду тем или иным социальным мотивам и запрет на плагиат.

Развитие науки долгое время основывалось на достаточности этих этических регулятивов. Они рассматривались как одно из выражений гуманистических ценностей, поскольку открытия науки и последующие технологические инновации полагались улучшающими человеческую жизнь, а значит, и соответствующими гуманистическим идеалам. Но в современную эпоху ситуация изменилась. В орбиту научного исследования были втянуты объекты, представляющие собой сложные саморазвивающиеся системы. Постепенно они стали доминировать на переднем крае науки. Примерами таких систем являются биологические объекты, рассмотренные с учетом их эволюции, социальные объекты (общество и его подсистемы, в том числе и культура) взятые в их развитии, объекты современных нано- и биотехнологий, компьютерные сети и глобальная сеть — Интернет и т. п.

Саморазвивающиеся системы способны усложняться в процессе эволюции, в них возникают новые уровни организации, которые затем оказывают воздействие на ранее сложившиеся уровни систем и видоизменяют их.

Деятельность со сложными развивающимися системами имеет свои особенности. Она не является чисто внешним фактором по отношению к системе, а включается в нее в качестве компонента, актуализируя одни сценарии развития и понижая вероятность других. Но тогда развивающиеся системы становятся человекоразмерными. При их изучении важно выявить те сценарии, которые могут иметь негативные последствия для человека, чтобы в эти ловушки не попадать. Такая оценка сценариев означает, что только внутреннего этоса науки уже недостаточно. Необходимо каждый раз соотносить требования поиска истины с гуманистическими идеалами,

корректируя внутренний этос науки дополнительными этическими регулятивами. Такого рода корректировка сегодня осуществляется в форме социально-этической экспертизы научных и технологических программ и проектов.

Наука остается наукой. Ее фундаментальные установки поиска истины и роста истинного знания остаются. И социально-этическая экспертиза вовсе их не отменяет. Наоборот, она предстает как условие реализации этих установок. Это точка роста новых ценностей, возникающих в науке в рамках современной культуры. Не отказ от науки, а ее новое гуманистическое измерение предстает одним из важных аспектов поиска новых стратегий цивилизационного развития.

Я уже отмечал в своих предыдущих публикациях, что в этих изменениях научной рациональности открываются также новые возможности диалога культур. Многие из того, что новоевропейская наука ранее отбрасывала как ненаучные заблуждения традиционалистских культур, неожиданно начинает резонировать с новыми идеями переднего края науки.

Я обычно выделяю здесь три основных момента. Во-первых, восточные культуры (как и большинство традиционалистских культур) всегда исходили из того, что природный мир, в котором живет человек, это живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно перепахивать и переделывать. Долгое время новоевропейская наука относилась к этим идеям как к пережиткам мифа и мистики. Но после развития современных представлений о биосфере как глобальной экосистеме выяснилось, что непосредственно окружающая нас среда действительно представляет собой целостный организм, в который включен человек. Эти представления уже начинают в определенном смысле резонировать с организмическими образами природы, свойственными и древним культурам.

Во-вторых, объекты, которые представляют собой развивающиеся человекообразные системы, требуют особых стратегий деятельности. Эти системы наделены синергетическими характеристиками, в них существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. В точках бифуркации незначительное воздействие может радикально изменить состояние системы, порождая новые возможные траектории ее развития.

Установка на активное силовое преобразование объектов при действии с такими системами не всегда является эффективной. При простом увеличении внешнего силового давления система может воспроизводить один и тот же набор структур и не порождает новых структур и уровней организации. Но в состоянии неустойчивости, в точках бифуркации часто небольшое воздействие — укол в определенном пространственно-временном локусе — способно породить (в силу кооперативных эффектов) новые структуры и уровни организации. Этот способ воздействия напоминает стратегии ненасилия, которые были развиты в индийской культурной традиции, а также действия в соответствии с древнекитайским принципом «у-вэй», который полагал идеалом минимальное воздействие, осуществляемое в соответствии с пониманием и чувством ритмов мира.

В-третьих, в стратегиях деятельности со сложными, человекообразными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности. В западной культурной традиции рациональное обоснование полагалось основой этики. Принципиально иной подход был характерен для восточной культурной традиции. Там нравственное совершенствование полагалось условием и основанием для постижения истины. Один и тот же иероглиф «дао» обозначал в древнекитайской культуре закон, истину и нравственный жизненный путь.

Новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и который имманентно включает рефлексию над ценностями, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственной традиционным восточным культурам. Возникают новые аспекты функционирования науки как фактора современного диалога культур.

Изменение типа научной рациональности, новые аспекты этической регуляции научно-технологической деятельности создают предпосылки для формирования нового отношения к природе. Однако решающая роль в этом процессе принадлежит экономике. Идея главенства экономики имеет свои социокультурные предпосылки. Она органично связана с особенностями базисных ценностей техногенной цивилизации.

Понимание природы как своего рода резервуара ресурсов для деятельности, человека как деятельностного существа, преобразующего мир, понимание рациональности, предполагающее самооценку научных и технологических инноваций, идея увеличения власти человека над природой — все эти мировоззренческие установки, составляющие духовную матрицу техногенных обществ, определили стратегии экономической жизни.

Эпоха индустриализации, начатая первой промышленной революцией, реализовала эти стратегии. Возникли многообразные практики ускоряющегося экономического развития на путях технологического обновления производства.

Попутно отмечу, что материалистическое понимание истории К. Маркса представляло собой теоретическое обобщение этих практик. Его теория общества была порождением культуры индустриальной эпохи. Успехи индустриального развития укрепили веру в социальный прогресс и возможность достигнуть неуклонного роста потребления на путях внедрения в производство научно-технических достижений. Эту идею в различных вариантах и аспектах развивали многие мыслители XIX века (Ш. Фурье, А. Сен-Симон, его ученик, создатель социологии О. Конт и др.). В концепции К. Маркса она была включена в обоснование коммунизма как высшей стадии человеческой истории, закономерно возникающей в результате научно-технического развития цивилизации.

Во второй половине XX века в экономически развитых странах Запада возник особый вариант капитализма — общество потребления. Основной принцип экономики этого общества гласит: «чем больше мы потребляем, тем это лучше для экономики». Потребление порождает спрос, спрос стимулирует новый

виток экономического развития. Возникает система с обратной связью. Удовлетворение спроса порождает новый спрос, что обеспечивает рост экономики.

В середине XX века западные теоретики рынка, социологи и философы обосновывали этот принцип как выражение справедливости. Известная концепция Д. Роулза соотносила идею регуляции социально-экономического неравенства с повышением уровня потребления «низших страт» общества и возможностью подтягивать их до уровня среднего класса благодаря новому циклу наращивания общественного богатства.

Идеологами рынка были предложены механизмы повышения потребительского спроса. Виктор Лебов, один из исследователей и пропагандистов свободного рынка, еще в середине XX века писал, что необходима особая система человеческого сознания, направленная на повышение потребительского спроса. Наряду с расширением рекламы и в ее рамках нужно постоянно менять моду на вещи. В. Лебов полагал так изменить пропаганду рынка в СМИ, чтобы приучать людей потреблять, изнашивать, и заменять вещи со все возрастающей быстротой. Это выгодно для экономики. Кстати, сегодня эта установка практически реализовалась. Многие производители товаров намеренно так упрощают технологии, чтобы товары быстрее изнашивались, и у потребителей был стимул покупать новые.

Понятно, что такая система экономики может развиваться только поглощая все большее и большее количество природных ресурсов и увеличивая масштабы загрязнения важнейшей среды.

Второй механизм повышения спроса связан с расширением практики дешевого кредитования. Это жизнь в рассрочку, в долг.

Во второй половине XX века широкие масштабы приобрело кредитование не отдельных лиц, а кор-

пораций и стран. Расширяющийся обмен валют и биржевые спекуляции превратили деньги в особый товар. Возник посредник обмена этого нового товара — мировая валюта. Им стал доллар США. И тогда изготовление этого нового товара стало источником прибыли. На рынке появилась огромная денежная масса, не обеспеченная товарами и услугами. США, увеличивая эмиссию доллара и выпуск государственных бумаг, получили возможность кредитовать сами себя, постоянно наращивая уровень потребления. Возник феномен супердержавы, обладающей огромной военной мощью, которая живет в рассрочку. Долг США сегодня составляет больше 11 трлн долларов. Тем не менее это государство продолжает политику увеличивающегося бюджетного дефицита, наращивая расходы и обеспечивая рост потребления.

Но жить в долг — это значит, жить за счет будущих поколений. В результате принцип «чем больше мы потребляем, тем это лучше для экономики» перестает быть справедливым. Как регулятор экономического развития он был санкционирован логикой техногенной культуры. Однако сегодня этот принцип проблематизируется.

Известный футуролог Э. Ласло в книге «Макросдвиг» (русское издание М., 2004) рассматривает его как путь к экологической катастрофе и отмечает, что новые стратегии развития цивилизации должны быть связаны с отказом от этого принципа. Но тогда возникает новая проблема, ее нужно специально анализировать с учетом перемен, которые вносят экономика знаний, рост информационного потребления и возможности новых энергосберегающих технологий. Важно также проанализировать возможности изменения структуры финансового рынка на путях межнационального контроля за мировой валютой.